

Когда и кѣмъ издана исторія Фукидида?

Элій Аристидъ въ рѣчи „ὑπὲρ τῶν τεταρτῶν“ (II, p. 292 sq. Dind.) говорятъ: «Посмотримъ, что такое рассказываетъ намъ о Ѳемистоклѣ Эсхинъ, пріятель Сократа, школьный товарищъ Платона» и затѣмъ приводитъ длинную выписку изъ діалога Эскина Сократовца «Алкивіадъ». Вотъ переводъ этого фрагмента ¹⁾.

(Сократъ). Такъ какъ ты осмѣлился касаться жизни Ѳемистокла, подумай, укорять какого человѣка стель ты возможнымъ. Сообрази, откуда солнце восходитъ и гдѣ оно заходитъ.

(Алкивіадъ). Нѣтъ никакого труда, Сократъ, знать это.

(Сократъ). Подумалъ ли ты хоть разъ о томъ, что тою страшною, которая зовется Азіей, которая такъ велика, что по ней солнце совершаетъ свой путь, править *одинъ* человѣкъ.

(Алкивіадъ). Да, да, великій царь.

(Сократъ). Слѣдовательно, тебѣ извѣстно, что этотъ великій царь пошелъ походомъ сюда (т. е. на Аѣны) и на Лакедэмонъ, полагая, что если ему удастся покорить оба эти государства, то и остальные греки безъ труда ему подчинятся. И такой страхъ навелъ царь на аѣнянъ, что они оставили свою страну и бѣжали на Саламинъ, избравъ своимъ стратегомъ Ѳемистокла и довѣривъ ему распоряжаться ими по его усмотрѣнію. И величайшія надежды на свое спасеніе аѣняне полагали въ томъ, что могъ рѣшить за нихъ Ѳемистоклъ; а послѣдній не пришелъ въ отчаяніе отъ сложившихся тогда обстоятельствъ: и по части флота и пѣхоты и матеріальныхъ средствъ греки сильно отставали, царь же превосходилъ ихъ тутъ во всемъ. Нѣтъ, Ѳемистоклъ зналъ, что если

¹⁾ Aeschinis Soeratici reliquiae ed. H. Krause, Lipsiae 1911, fr. 1, p. 33—36. H. Dittmar, Aeschines von Sphettos. Studien zur Literaturgeschichte der Sokratiker, Berlin 1912, fr. 8, p. 268—271.

царь не пересилить его сообразительностью (τῷ βουλευέσθαι), все происходство царя, какъ бы велико оно ни было, ни въ чемъ ему большой пользы не принесетъ. И то сознавалъThemistocles, что у кого дѣлами руководятъ люди болѣе рачительные (σπουδαίοντες) въ добротѣ, у тѣхъ и дѣла обыкновенно лучше удаются. И царь, дѣйствительно, понималъ, что его положеніе колебалось въ тотъ день, когда ему пришлось столкнуться съ человѣкомъ болѣе рачительнымъ, чѣмъ онъ самъ. А Themistocles до такой степени легко освоился съ положеніемъ, въ какомъ находился царь, что, разбивъ его въ морской битвѣ, пожелалъ убѣдить афинянъ разрушить построенный царемъ понтонный мостъ. Когда Themistocles не удалось этого достигнуть, онъ послалъ сообщить царю о рѣшеніи, противоположномъ тому, какое было принято государствомъ, что будто бы онъ, Themistocles, воспротивился плану афинянъ разрушить мостъ и тѣмъ спасъ царя и его свиту. И вышло такъ, что не только мы (афиняне) и прочіе греки считали Themistocles виновникомъ нашего спасенія, но даже самъ царь, разбитый имъ въ битвѣ, думалъ, будто онъ спасся благодаря только одному Themistoclesу. До такой степени Themistocles выдавался своею разсудительностью (τῷ φρονεῖν)! Поэтому-то когда Themistocles въ свое время былъ изгнанъ изъ Афинъ, царь, считая себя обязаннымъ ему своимъ спасеніемъ, отблагодарилъ его, подарилъ ему много всякихъ подарковъ, а также даровалъ Themistoclesу власть надъ всею Магнесіею, такъ что онъ, хотя и былъ изгнанникомъ, очутился въ лучшемъ положеніи, чѣмъ многіе афиняне изъ оставшихся у себя на родинѣ и считавшихся прекрасными и хорошими (καλοὶ καὶ ἀγαθοί).

Кто иной, какъ не Themistocles въ тѣ времена могъ, по праву, претендовать на наибольшее значеніе въ государствѣ, тотъ Themistocles, который въ бытность свою стратегомъ эллиновъ покорилъ царя, властвующаго надъ всею поднебесною отъ восхода до захода солнца? Замѣть, однако, Алкивіадъ, что, хотя Themistocles и былъ великимъ человѣкомъ, все-таки у него не оказалось въ достаточной мѣрѣ столько пониманія (ἐπιστήμη), чтобы уберечься и не подвергнуться изгнанію, не испытать атиміи со стороны государства, -- этого пониманія ему не хватало. Что же, на твой взглядъ, бываетъ людьми дрянными, нисколько не заботящимися о себѣ? И уди-

вительно ли, что и малыя дѣла имъ не улаются? И нисколько, Алкивиадъ, не осуждай меня, если я. относясь, не такъ какъ другіе, нечестиво (*ἀλλοτρίως καὶ ἄθεως*) къ судьбѣ и вопросамъ религіознымъ (*πρὸς τὰς τύχας καὶ τὰ θεῶν πράγματα*), приписываюThemistocleу понимание всего того, что онъ совершалъ, и полагаю, что вовсе не случайностью объясняется результатъ его дѣятельности.

Многочисленные доказательства того, что люди, думающіе не такъ, какъ я, поступаютъ нечестиво, могъ бы тебѣ представить скорѣе я, а не мои противники: они полагаютъ, что въ жизни негодныхъ и порядочныхъ людей одинаковую роль играетъ случай, и отрицаютъ, что на людяхъ прекрасныхъ и хорошихъ, и притомъ благочестивыхъ, божеская благодать (*τὰ παρὰ τῶν θεῶν*) почтѣе въ болѣе совершенной степени».

Содержаніе діалога, изъ котораго сохранился приведенный отрывокъ, композиція діалога, его основная цѣль—всѣ эти вопросы, поскольку можно дать на нихъ отвѣтъ на основаніи сохранившихся отрывковъ, въ достаточной мѣрѣ выяснены въ изслѣдованіи Дитмара. Я этихъ вопросовъ касаться не буду, а останавлиюсь лишь на той характеристикѣ, какую даетъ Эсхинъ устами Сократа Themistocleу. Характеристика эта—хвалебная, какъ отмѣтилъ уже Элій Аристидъ¹⁾. Откуда Эсхинъ почерпнулъ данныя для этой характеристики? Конечно, изъ исторіи Фукидида, который, какъ извѣстно, выполнялъ оцѣнилъ значеніе личности Themistocleа²⁾. Предшественники Фукидида оспаривали гениальность Themistocleа. Геродотъ, правда, говоритъ, что Themistocleа считался человѣкомъ умнымъ (VIII, 110, 1), что слава о немъ, какъ объ умѣйшемъ изъ грековъ, гремѣла по всей Элладѣ, что спартанцы присудили Themistocleу оливковый вѣнокъ за мудрость и ловкость (VIII, 124). Но наряду съ этою ходячею молвою о Themistocleѣ, къ которой Геродотъ, въ лучшемъ случаѣ,

1) Aristid. *ὑπὲρ τῶν τετραράων*, 285 (II 36: Dind.); διόπερ καὶ ὁ γ' ἐκείνου (т. е. Themistocleа) Σωκράτης οὐ τὴν αὐτὴν ἐπράπητο, ἀλλὰ τί φησί· γινούς οὖν αὐτὸν (т. е. Алкивиадъ) ἐγὼ ζηλοτύπως ἔχοντα πρὸς Themistocleά. (fr. 2, p. 36 Krause = fr. 7, p. 268 Dittmar) ἐπεὶ ἐστὶν ὁ τοῦ Themistocleάου Ἕλληνας, ὁμοῖν ἐνεκεν ὁρῶνς ἔχων οἶμα, τῆς τε ἀληθείας καὶ τοῦ καιροῦ εἶχειν τῷ περισσίστῳ τοῖς λόγοις. Cp. Schol. Aristid. III, p. 663 Dind.: ἐπεὶ δὲ Ἀλκιβιάδου διάλογος τοῦ Αἰσχίνου ἐνθα ἐπαινᾷ τὸν Themistocleά.

2) См. В. И. Бузескулъ, Исторія афинской демократіи, Спб. 1909, 103.

относится безразлично¹⁾, онъ не упускаетъ случая уколоть и очер-
нитьThemistocles (ср. особенно рассказъ о томъ, какъ передъ Са-
ламинской битвойThemistocles выдалъ Еврибиду мнѣніе афинянина
Кнесифила за свое, VIII, 57. 58), все превосходство котораго онъ
видитъ развѣ въ хитрости и лукавствѣ. Еще менѣе симпатично от-
несся надо думать, къThemistocles Стесимбротъ, считающій его уче-
никомъ Анаксагора и Мелисса (ср. Plut. Them. 2). Не то мы ви-
димъ у Фукидида, который, очевидно, въ своей характеристикѣ
Themistocles ведетъ скрытую полемику противъ Геродота. Фукидидъ
пишетъ настоящій панегирикъThemistocles, указываетъ на не-
обыкновенную духовную силу его природы, лишенную какого-
либо научнаго образованія, его мгновенную находчивость и прони-
цательность, прозрѣніе будущаго; за свою природную даровитость
Themistocles заслуживаетъ удивленія больше всякаго другого; за
вою испытанную проникающую умуThemistocles прежде всего
у персидскаго царя добился такого значенія, какимъ не пользо-
вался до того никто изъ грековъ (I, 138, 1—3) Ср. съ этою
характеристикоюThemistocles слова Эсхина: ἤδει (Themistocles). ὅτι ἐὶ μὴ
τοῦ τῷ βουλευέσθαι ἐκείνος (Ксерксъ) περίεσται, τὰ γε ἄλλα αὐτὸν τοσαῦτα
καὶ τὸ μέγεθος οὐδὲν μέγα ὀφελήσεται, и далѣе: τοσοῦτον ἐκείνος (Themistocles)
προνοεῖν περιγένηται. Устами афинскихъ пословъ въ Спартѣ Фукидидъ
(I, 74, 1) говорить, что никто иной, какъThemistocles, былъ глав-
нымъ виновникомъ сраженія въ узкомъ проливѣ, а это сраженіе,
несомнѣнно, и спасло Грецію. Ср. слова Эсхина: ὥστ' οὐ μόνον ἡμεῖς
οἱ ἄλλοι Ἕλληνες αἴτιον τῆς σωτηρίας Θεμιστοκλέα ἡγοούμεθα εἶναι. Въ
письмѣThemistocles къ АртаксерксуThemistocles пишетъ, между про-
чимъ, и о той услугѣ, какую онъ оказалъ Ксерксу при отступленіи
отъ Саламина, какъ благодаряThemistocles не были разрушены
остры (I, 137, 4) Ср. слова Эсхина: αὐτὸς ὁ βασιλεὺς ὁ καταπολεμη-
σας ὑπ' αὐτοῦ ὑπὸ μόνου ἀνθρώπου ἐκείνου (Themistocles) ᾤετο σωθῆναι.
Фукидидъ (I, 138, 5) говорить, чтоThemistocles былъ правителемъ
ионической Магнеσίας, которую далъ ему царь на хлѣбъ. Ср. слова
Эсхина: καὶ Μαγνησίας ὅλης ἀρχὴν εἶσθεκεν (царь).

Приведенныя сопоставленія ясно, думается мнѣ, указываютъ на
то, что Эсхинъ въ своей характеристикѣThemistocles долженъ былъ

¹⁾ Ср. I. Bruns, Das literarische Porträt der Griechen, Berlin 1896, 87.

пользоваться Фукидидомъ. Лишь въ одномъ Эсхинъ согласенъ съ Геродотомъ: по разсказу послѣдняго (VIII, 110),Themistokles сразу же послѣ Саламинской битвы посылаетъ къ Ксерксу Сикинна¹⁾ сказать царю, что Themistokles, желая оказать ему услугу, удержалъ греческіе корабли отъ преслѣдованія и разрушенія мостовъ на Геллеспонтѣ; сдѣлавъ Themistokles это, по Геродоту (VIII, 109), для того, чтобы заручиться расположеніемъ царя и имѣть приѣжище на случай бѣды; по Фукидиду, какъ указано выше, Themistokles о своей услугѣ Ксерксу писалъ уже позже его сыну. Эсхинъ разсказываетъ, согласно съ Геродотомъ: ὁ δὲ (Themistokles) οὕτω ῥαπιδῶς τηλικαῦτα ὄντα τὰ ἐκείνου μετεχειρίσατο, ὥστ', ἐπειδὴ αὐτὸν καταναυμάχῃσιν, λύσαι τὴν συγγίαν, ἣν ἔζευσεν βασιλεὺς, πείσαι Ἀθηναίους ἐβουλήθη. ἐπειδὴ δὲ οὐκ ἔδυνάτο, βασιλεῖ ἐπέμψεν τ' ἀναντία ὑπὸ τῆς πόλεως δεδογμένοις, ὅτι καλεονότων τῶν Ἀθηναίων λύσαι τὴν συγγίαν αὐτὸς ἐναντιότο, σῶσαι βασιλῆα καὶ τοὺς μετ' ἐκείνου περφόμενος. Дитмаръ (ук. соч. 112 сл.) полагаетъ, что Эсхинъ въ данномъ случаѣ сознательно примыкаетъ къ версіи Геродота, чтобы создать «строго-замкнутый эффектный разсказъ», важный для обоснованія его положенія: Themistokles обладалъ ἐπιστήμη, интеллектуальной ἀρετή. Themistokles оказываетъ услугу врагу, который такъ же какъ и греки, смотритъ на Themistokles, какъ на своего спасителя въ трудное время; за это, во время изгнанія, Themistokles находитъ у царя новую родину. «Этотъ разсказъ впервые встрѣчается у Эскина», замѣчаетъ Дитмаръ, «онъ, несомнѣнно, придуманъ имъ для доказательства своего положенія». Такъ ли это, или нѣтъ, спорить не буду. Возможно, что Эсхинъ, который, вѣдь, не историческій разсказъ писалъ, а философскій діалогъ, просто-на-просто спуталъ, или недостаточно уяснилъ себѣ, или и не считалъ нужнымъ уяснить, истинное положеніе дѣла.

Но это для нашихъ цѣлей и не важно. Гораздо важнѣе констатировать то, что Эсхинъ при сочиненіи своего «Алкивіада», несомнѣнно, имѣлъ уже въ своихъ рукахъ исторію Фукидида. Какъ указываетъ Дитмаръ (ук. соч. 158 сл.), «Алкивіадъ» Эскина написанъ между 394/3—391/0 гг. Эта дата является пока самымъ ран-

¹⁾ Объ этомъ см. Труды О. О. Соколова, Спб. 1910, 510 сл.

имъ свидѣтельствомъ, говорящимъ вполне опредѣленно о томъ, когда исторія Фукидида вошла уже въ научно-литературный обиходъ¹⁾.

Итакъ, въ 394/3—391/0 гг. исторія Фукидида, несомнѣнно, была уже издана въ свѣтъ²⁾. Точно опредѣлить, когда была она издана, мы не въ состояніи, такъ какъ вопросъ о времени изданія труда Фукидида стоитъ въ тѣсной связи съ вопросомъ о времени его смерти: исторія Фукидида, не доведенная до положеннаго авторомъ конца за его смертью, была издана уже послѣ его кончины. Съ этимъ согласны всѣ. Но опредѣлить точно годъ смерти историка мы еще не можемъ. Указаніе Маркеллина (§ 39), что Фукидидъ кончилъ жизнь, имѣя свыше пятидесяти лѣтъ отъ роду, мало помогаетъ, такъ какъ намъ неизвѣстенъ точно годъ рожденія Фукидида. Самъ же онъ лишь говоритъ (V, 26, 5), что «жилъ въ теченіе всей войны». Слѣдовательно, ранѣе послѣднихъ лѣтъ V в. смерть Фукидида, во всякомъ случаѣ, послѣдовать не могла. Но такъ низко мы должны спускаться за эти предѣлы, все еще остается прочно не установленнымъ, и приуроченіе времени смерти Фукидида къ тому или иному опредѣленному году перваго десятилія IV в. основывается обыкновенно на аргументахъ *ex silentio*, заключаемыхъ изъ труда самого Фукидида³⁾. Эти аргументы сами по себѣ, особенно если считаться съ тѣмъ соображеніемъ, что Фукидидъ, за преждевременной смертью, должно быть, не успѣлъ окончательнo проредактировать свой трудъ, точнѣе сказать, довести его до той степени отдѣланности, при которой онъ считалъ себя въ правѣ выпустить его въ свѣтъ. Если уже въ 394/3 г. (беремъ одну изъ крайнихъ датъ появленія «Алкивиады» Фукина) исторія Фукидида была въ обращеніи среди образованной афинской публики, то приходится думать, что изданъ былъ трудъ Фукидида въ теченіе перваго пятилѣтія IV в. и что, слѣдовательно,

¹⁾ До сихъ поръ первое по времени отраженіе исторіи Фукидида въ литературѣ усматривали въ «Меновъ» Платона. См. *Blass*, Die attische Beredsamkeit, II, 1874, 431 сл. *W. Schmid*, *Philologus*, LII (1893), 130 сл. «Меновъ» Платона написанъ послѣ «Горгіа» (см. *Raeder*, Platons philosophische Entwicklung, Lpzg. 1875, 130 сл.). Составленіе же «Горгіа» датируется «um 390 oder vielleicht einige Jahre früher» (*Raeder*, ук. соч. 125). Впрочемъ, вся эта хронологія лишь приблизительная.

²⁾ *So. Meier* (Forschungen zur alten Geschichte, II, Halle, 1899, 275) першпиктивно указываетъ 395 г., какъ годъ окончанія и изданія труда Фукидида.

³⁾ Сопоставленіе этихъ аргументовъ см. у *Busolt*'а, Griech. Gesch. III 2, 629 и сл. 2.

смерть историка послѣдовала, круглымъ счетомъ, около 400 г. до Р. Хр ¹⁾.

Кто взялъ на себя заботы по изданію въ свѣтъ оставшагося неоконченнымъ и — скажемъ современнымъ языкомъ — не «приготовленнымъ къ печати» труда Фукидида? ²⁾.

И на этотъ вопросъ нѣтъ у насъ опредѣленнаго отвѣта ни въ біографіяхъ Фукидида, ни въ другихъ источникахъ, болѣе или менѣе надежныхъ. Единственное указаніе, имѣющееся на этотъ счетъ, находится у Лаэртія Діогена въ біографіи Ксенофонта. Перечисливъ литературное наслѣдіе Ксенофонта (II, 57), Лаэртій Діогенъ прибавляетъ: λέγεται δ' ὅτι καὶ τὰ Φουκιδίδου βιβλία λανθάνοντα ὑπελάσθαι δυνάμενος, αὐτὸς εἰς ὁδὸν ἤγαγεν. Ученые или совершенно отвергаютъ это извѣстіе, или относятся къ нему, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, недоувѣрчиво, лучше сказать, боятъ ему повѣрить. Брейтенбахъ (во введеніи къ своему изданію «Греческой исторіи» Ксенофонта) понималъ вышеприведенныя слова Лаэртія Діогена въ томъ смыслѣ, что Ксенофонтъ былъ первымъ человѣкомъ, въ руки котораго попала исторія Фукидида. Но буквально Лаэртій Діогенъ говорить слѣдующее: «Говорятъ, что онъ (Ксенофонтъ), имѣя возможность похитить оставшіяся неизвѣстными книги Фукидида, самъ привелъ ихъ въ славу». А это можетъ имѣть только такой

¹⁾ Къ этому опредѣленію приходитъ и Grundy, Thucydides and the history of his age, London 1911, 47: on the whole it seems reasonable to conjecture that he did not live beyond the year 399 B. C.

²⁾ Я не имѣю возможности входить здѣсь въ обсужденіе вопроса о томъ, въ какомъ видѣ былъ трудъ Фукидида въ моментъ его смерти. Вопросъ этотъ и не можетъ быть рѣшенъ въ концѣ-концовъ, такъ какъ самый процессъ творчества Фукидида, или постепенная эволюція его труда, все еще остается невыясненнымъ. См. обзоръ этого у В. П. Бузескула, Введеніе въ исторію Греціи, Харьковъ 1904, 91 сл. Grundy, ук. соч. 387 сл., рѣшительно встаетъ опять на сторону прогрессивной критики. См. обстоятельный обзоръ труда Grundy у С. П. Шестакова, Журн. Мин. Нар. Просв. 1912, январь, 137 сл., особенно 151 сл. Какъ бы вопросъ этотъ не рѣшался, всѣми признается, что въ моментъ смерти Фукидида его исторія не только не была окончена, но и не была въ законченной ея части, во всемъ ея объемѣ, окончательно отредактирована самимъ авторомъ; иными словами, Фукидидъ не успѣлъ сдѣлать того, что дѣлаетъ или долженъ сдѣлать авторъ предъ выпускомъ своего сочиненія въ свѣтъ. Съ другой стороны, нужно признать окончательно установленнымъ, что издатель труда Фукидида былъ именно только издателемъ въ узкомъ смыслѣ этого слова, т. е. онъ опубликовалъ исторію Фукидида и никакой редакторской работы надъ нею не продѣлалъ. См. Grundy, ук. соч. 402 сл.

мысль: Ксенофонтъ, имѣя возможность утаить (или присвоить себѣ) неопубликованное сочиненіе Фукидида, издалъ его въ вѣтъ¹⁾. Извѣстіе Лаертія Діогена проконтролировано быть не можетъ; но за то, что оно не является простымъ домысломъ Лаертія Діогена, говоритъ та осторожность, съ которою онъ его общаетъ. Можетъ быть, извѣстіе это восходитъ къ тому же Димитрію Магнесійцу, на котораго Лаертій Діогенъ ссылается и раньше въ своей біографіи Ксенофонта (§ 52) и имя котораго онъ упоминаетъ непосредственно предъ вышеприведенными словами. Но это, разумѣется,—только предположеніе, мало намъ помогающее. И мы должны сознаться, что внѣшними, объективными, данными мы извѣстія Лаертія Діогена подкрѣпить не можемъ. Но имѣемъ ли мы право съ легкимъ сердцемъ его просто-на-просто отвергнуть, или же мы можемъ привести въ пользу его возможной достовѣрности какія-либо соображенія?

Шмидъ (у Christ. Gesch. d. griech. Literatur⁶, I. 484) высказываетъ предположеніе, что издателемъ труда Фукидида, могли быть и дочь историка, «которая, несомнѣнно, существовала», или одинъ изъ его продолжателей, скорѣе всего Кратиппъ. О дочери Фукидида мы, однако, только и знаемъ что она «существовала» и что ей нѣкоторые склонны были приписывать восьмую книгу исторіи Фукидида (Маркеллинь § 43). Что касается Кратиппа, то о немъ, какъ *возможномъ издателѣ труда Фукидида*, можно будетъ серьезно говорить лишь тогда, когда будетъ доказано съ несомнѣнностью, что Кратиппъ былъ современникомъ Фукидида. Пока же это не доказано, и Ксенофонтъ, думается мнѣ, съ такимъ же правомъ, какъ и Кратиппъ, можетъ претендовать на то, чтобы считаться издателемъ труда Фукидида. Можетъ быть, у Ксенофонта имѣется даже больше правъ на это.

¹⁾ Такъ понимаютъ слова Лаертія Діогена Busolt, Griech. Gesch. III 2, 644 *Grundy*, ук. соч. 390, прим. 3: Xenophon published the work of Thucydides, and so named to that author the path of glory. Къ этому Grundy прибавляетъ: but the question is not as to the meaning of the words, but as to the authority behind them: and that must remain a doubtful point. All that can be said is, that of all possible names whose names are known to the present world, Xenophon is the most probable. Сопоставляющую замѣтку Лаертія Діогена (II, 48) по поводу Ксенофонта и Сократа: καὶ τούτος ἀποσπασμασάμενος τὰ λεγόμενα (Сократа), εἰς ἀνθρώπου ἤγαγεν, ἀποκνημονεύματα κρηφάας.

Припомнимъ нѣкоторыя хронологическія даты біографіи Ксенофонта. До 401 г. Ксенофонтъ въ Аѳинахъ; въ 401/0 г. онъ въ Азіи, у Кира Младшаго; въ 399 г. служить у Севва во Фракіи, затѣмъ отводитъ войско въ Азію и передаетъ его Ойброну¹⁾.

Мы не можемъ не обратить вниманія на то, что въ 399 г. Ксенофонтъ былъ во Фракіи—это фактъ несомнѣнный. Если отдать предпочтеніе той версіи преданія о мѣстѣ смерти Фукидида, по которой она послѣдовала во Фракіи²⁾, то очень соблазнительнымъ представлялось бы предположеніе, что Ксенофонтъ, во время своего пребыванія во Фракіи, посѣтилъ мѣстожительства Фукидида, взявъ тамъ оставшійся послѣ смерти Фукидида безъ призора его трудъ и затѣмъ позаботился объ изданіи его въ свѣтъ. Но если даже предпочесть ту версію преданія, по которой Фукидидъ умеръ у себя дома на родинѣ, въ Аѳинахъ, то и въ такомъ случаѣ не исключена возможность предполагать, что издателемъ труда Фукидида былъ Ксенофонтъ. Мы знаемъ достоверно лишь то, что въ 396 году Ксенофонтъ отправился съ Агесилаемъ въ Азію; но гдѣ провелъ Ксенофонтъ время до того, намъ въ точности неизвѣстно. Обыкновенно полагаютъ, что въ 399—396 гг. Ксенофонтъ вмѣстѣ съ Ойброномъ и Деркиллидомъ былъ въ Азіи (см. Roquette, ук. соч. 33), но доказать этого нельзя. Самъ Ксенофонтъ въ «Греческой исторіи» объ этомъ не говоритъ (ср. Hell. III, 1, 6), изъ показанія же Діодора (XIV, 37, 4) можно, пожалуй, заключить, что изъ Фракіи отправились въ Азію только одни наемники, безъ Ксенофонта (μετὰ δὲ ταῦτα — послѣ описанія дѣйствій Ксенофонта во Фракіи — Θίβρωνος αὐτοῦς μεταπεμπομένου καὶ μισθοῦς ἐπαγγελλομένου δώσειν, πρὸς ἑκείνον ἀπεχώρησαν καὶ μετὰ Λακκινομένων ἐπολέμων τοῖς Πέρσιν). Поэтому, быть можетъ, были правы Нибуръ, Леронъ и Гротъ (см. у Roquette, ук. соч. 17), которые полагали, что Ксенофонтъ послѣ смерти Сократа вернулся въ Грецію и провелъ нѣкоторое время въ Аѳинахъ (Гротъ думалъ всего о нѣсколькихъ мѣсяцахъ). Во всякомъ случаѣ, постановленіе объ изгнаніи Ксенофонта изъ Аѳинъ не было вызвано участіемъ его въ походѣ

¹⁾ Laert. Diog. II, 51. Diod. XIV, 37. Xenoph. Anab. VII, 7, 57. Hell. III, 1, 6. Ср. *Ad. Roquette*, De Xenophontis vita, diss. Königsberg, 1884, 33.

²⁾ Матеріалъ о мѣстѣ смерти Фукидида сопоставленъ у *Busolt'a*, Griech. Gesch. III 2, 630, прим. 1. *Grundy*, ук. соч., 44, отдаетъ предпочтеніе именно этой версіи.

Кира и имѣло мѣсто позднѣе, послѣ Коронейской битвы (см. Roquette, ук. соч. 19 сл.). Итакъ, и обстоятельства жизни Ксенофонта и хронологическія соображенія скорѣе подкрѣпляютъ, чѣмъ опровергаютъ, указаніе Лаертія Діогена, что издателемъ труда Фукидида былъ Ксенофонтъ. Напомню, что извѣстіе это пока что единственное; разъ мы его отвергнемъ, вопросъ объ издателѣ исторіи Ксенофонта долженъ остаться совершенно открытымъ.

Въ заключеніе всѣхъ этихъ соображеній, гипотетическій характеръ которыхъ вполне для меня ясенъ, я позволю себѣ привести еще одно, хорошо всѣмъ знакомое. Еще со времени Нибура извѣстно, что та часть Ксенофоновыхъ *Ἑλληνικῶν* (I, 1, I—II, 3, 10), которая является продолженіемъ исторіи Фукидида, рѣзко отличается отъ послѣдующихъ частей «Греческой исторіи». Въ отдѣлѣ, составляющемъ продолженіе исторіи Фукидида, Ксенофонтъ, «очевидно, находится подъ господствующимъ вліяніемъ той работы, продолженіе которой онъ предпринялъ, и пытается поэтому строго придерживаться строго анналистическаго и синхронистическаго порядка своего образца» (Wachsmuth, *Einleitung in das Studium der alten Geschichte*, Leipzig 1895, 533). Нибуръ (*Kleine Schriften*, I, 464 сл.) высказывалъ предположеніе, что Ксенофонтъ написалъ эту часть своею «Греческой исторіи» въ періодъ времени между возвращеніемъ его изъ похода Десяти тысячъ и его изгнаніемъ и издалъ ее отдѣльно отъ прочей части *Ἑλληνικῶν* ¹⁾. Предположеніе Нибура не встрѣтило общаго признанія; но все же большинство ученыхъ согласно въ томъ, что *Ἑλληνικά* написаны не въ одинъ, а въ нѣсколько пріемовъ, въ разное время (см. В. П. Бузескулъ, Введение въ исторію Греціи, 129) ²⁾. По мнѣнію Roquette'a (ук. соч. 56), раздѣляемому Бузольтомъ (*Gr. Gesch.* III 2, 701, прим. 5), первая часть «Греческой исторіи» написана Ксенофонтомъ въ Спартѣ

¹⁾ Вспомнимъ, что помимо теперешняго дѣленія *Ἑλληνικῶν* на 7 книгъ, существовало дѣленіе ихъ на 9 или на 10 книгъ. У Гарпократіона (п. сл. *Θεόγνις*) *Hell.* II, 3, 2 аттрибуется какъ вторая книга, а *Hell.* II, 3, 36 (п. сл. *πενήντα*) уже какъ третья книга. Отсюда естественно сдѣлать предположеніе, что часть «Греческой исторіи», являющаяся продолженіемъ труда Фукидида, обнимала собою двѣ цѣлыхъ книги.

²⁾ *A. Opitz. Quaestiones Xenophontae de Hellenicorum atque Agesilai necessitudine* (Breslauer philol. Abhandlungen hrg. v. R. Förster, 46 Heft, Breslau 1913), I сл. отвергаетъ двойную редакцію *Ἑλληνικῶν* и считаетъ ихъ *opus postumum* Ксенофонта. Но доводы Опица неубѣдительны.

вскорѣ послѣ 394. Если это такъ, то невольно напрашивается мысль, что толчокъ къ составленію продолженія труда Фукидида данъ былъ Ксенофонту именно его издательской работой надъ изданіемъ исторіи Фукидида ¹⁾. И тогда ставеть понятно безпримѣрное, необычайное, я бы сказалъ, противоестественное въ историко-литературномъ смыслѣ, начало «Греческой исторіи» Ксенофонта, гдѣ онъ словами *μετά δὲ ταῦτα* продолжаетъ рассказъ Фукидида на томъ пунктѣ, на которомъ Фукидидъ остановился ²⁾.

Читатель имѣеть полное право назвать всѣ вышеизложенныя соображенія фантазіей. Противъ этого я возражать не буду. Замѣчу только одно: мы такъ плохо освѣдомлены и объ обстоятельствахъ жизни Фукидида и объ исторіи возникновенія и изданія его труда, что приходится неизбежно въ данномъ случаѣ или фантазировать, въ предѣлахъ возможнаго, или же покорно склонить голову и сказать: ничего не знаемъ.

С. Б. Жебелевъ.

¹⁾ Изъ этого, разумѣется, рискованно дѣлать предположеніе, что Ксенофонтъ воспользовался и матеріалами оставшимися послѣ Фукидида: а) мы не знаемъ, остались ли вообще эти матеріалы, б) Ксенофонтъ составилъ описаніе окончанія Пелопоннесской войны, правда, по *схемѣ* Фукидида, но, безъ сомнѣнія, *духа* Фукидида въ Hell. I, 1, 1—II, 10, 3 вовсе не чувствуется. См. *Busolt, Gr. Gesch.* III 2, 695.

²⁾ Кратиппъ, также продолжавшій исторію Фукидида, не начиналъ, повидимому, своего труда *ex abrupto*, а во введеніи къ нему упоминалъ о Фукидидѣ и эпизодически касался преступленія термопидовъ. См. *Christ-Schmid, Gesch. d. griech. Literatur*, I⁶, 531.